

Опубликовано в сб.: Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения–2014 : труды международной научной конференции — СПб, Фонд Слепухина, 2015.

Слепухина Н. А.

Юрий Слепухин. Возвращение.

Не так давно, на одной из научных конференций, посвященных изучению истории русской эмиграции, в перерыве у меня завязался разговор с одним из исследователей этой темы. Мой собеседник известен, как большой специалист по истории Второй волны эмиграции, и я решила посоветоваться с ним по вопросу поиска публикаций Слепухина в послевоенной зарубежной периодике, поскольку в домашнем архиве они по понятным причинам отсутствуют, а разыскать их хотелось, чтобы наиболее полно собрать публицистическое наследие Юрия Григорьевича. Публикаций должно быть много, учитывая, что живя в Аргентине, он в течение нескольких лет руководил молодежным сектором и сектором пропаганды НТС, но разыскать их довольно сложно, т.к. многие архивы пропали. Вразумительного совета я так и не получила, зато услышала безапелляционное: «Слепухин сотрудничал с "органами"»... В качестве аргумента приводился факт участия Юрия Григорьевича в сборнике «Схватка»¹, в котором была опубликована его повесть «Частный случай»².

Здесь важно уточнить, что сборник действительно собирался к юбилею всем известного ленинградского «Большого дома», куда раз в полгода Слепухина вызывали на «профилактические» беседы, как репатрианта. Вернувшись после очередной беседы, Юрий Григорьевич рассказал, что его попросили написать для сборника небольшую повесть о работе чекистов в наши дни, тему определяют позднее. Излишне говорить, что радости такое предложение не вызвало. За все время своей писательской деятельности Слепухин заказных книг не писал, у него было с чем выйти к читателю. Но тут он решил использовать эту возможность с тем, чтобы поднять острейшую тему — положение молодых писателей в условиях цензуры и идеологического давления — об этом Юрий Григорьевич знал не понаслышке.

В 1970–80-е годы в нашем доме перебивало немало литературной молодежи. В Союзе писателей существовала комиссия по работе с молодыми авторами (в шутку ее называли «комиссия по борьбе с молодыми»), какое-то время в нее входил и Слепухин. Помочь с публикациями он бы хотел да не мог, поскольку сам не печатался годами, но наш дом был всегда открыт, здесь можно было обсудить написанное, свободно говорить обо всем, обогреться и подкормиться, некоторые даже

---

¹ Схватка: Повести о чекистах / Сост. Б. М. Варфоломеев, Б. И. Иванов. — Л.: Лениздат, 1987. 462 с.

² Указ. соч. С. 82–184.

жили у нас месяцами. Личность Юрия Григорьевича, его творчество притягивали молодых, мечтавших стать писателями, но работавших кочегарами, банщиками, сторожами в силу своих принципиальных несогласий с официальной идеологией. Времена изменились, и кое-кто добился известности и даже славы. А тогда все было драматично, а порою и трагично. Поэтому Юрий Григорьевич на участие в сборнике согласился, поставив условие — сюжет он выберет сам. Его условие приняли, т.к. книги Слепухина раскупали моментально, читатели его очень любили. Так появился «Частный случай» и его главный герой Вадим Кротов, судьба которого типична для людей творческих профессий 70–80-х годов в СССР.

Кстати, мой вышеупомянутый собеседник сообщил, что повесть не читал, ему достаточно факта публикации в *таком* сборнике.

Горько мне стало от сознания того, что и в наше время, ничтоже сумняшеся, основываясь лишь на собственных догадках, могут приклеить позорный ярлык...

Обратимся же к подлинным фактам биографии писателя.

Юрий Григорьевич Слепухин (Кочетков) родился 1 августа 1926 г. в городе Шахты (неподалеку от Ростова-на-Дону), детство прошло в Пятигорске и Ставрополе.

Отец Юрия — Григорий Пантелеймонович Кочетков (Слепухин) — из донской казачьей военной среды, участник Первой Мировой войны, по профессии агроном, в канун Великой Отечественной войны был Главным агрономом Северного Кавказа, поэтому семья часто меняла место жительства. Мать — Валентина Ивановна Беденко — из украинско-польской семьи. Союз ее родителей — Елены Марьяновны Рудковской, дочери польского шляхтича Рудковского, и Ивана Ивановича Беденко — управляющего имением князей Барятинских — был весьма романтичен³. В семье было четверо детей, родители привили детям любовь к литературе и музыке, старались дать им прекрасное образование. Валентина, их младшая дочь, унаследовала от родителей музыкальные и художественные способности, живой ум и преданность своей семье. Выйдя замуж за Григория Кочеткова, родила двоих детей — Юрия и Ирину, которым всю жизнь была «матерью, другом и незаменимым помощником», как напишет потом в посвящении к «Южному кресту» — роману о судьбах русской эмиграции — ее сын, писатель Юрий Слепухин.

Личностью он был удивительной. Одаренный множеством талантов был чужд тщеславию, доброжелательность и приветливость не мешала принципиальности: вспоминается, как вежливо, но бесповоротно указал на дверь старому знакомому, позволившему себе, уехав на Запад, ругать, на чем свет стоит Россию, а, не прижившись там и вернувшись, поносить на советских радиостанциях тамошний образ жизни.

---

³ Подробнее см.: *Слепухина И. Г.* Воспоминания о брате // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сборник статей и материалов / Благотворит. Фонд им. Юрия Слепухина «Лучшие книги — библиотекам» ; [сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова ; отв. ред.: Н. А. Слепухина ; предисл. Сергея Михайловича Некрасова]. — СПб.: Фонд Слепухина : Ладога, 2012. — С. 13–20.

В памяти сохранилось и первое впечатление от личности Юрия Григорьевича на его встрече с читателями в 1973 г. Неторопливой походкой в библиотеку вошел очень естественный, красивый без слащавости человек — на его высокой фигуре элегантно сидел укороченный по моде 70-х плащ горчичного цвета, заметно вылинявший на плечах, на голове — косо посаженный шерстяной берет, как носят французы, в руках — потертый кожаный портфель; негромкий, приятного тембра голос с каким-то немного южным колоритом — мягкими шипящими, улыбка открытая, но сдержанная; элегантность жестов без манерности и прекрасная речь, как музыка без фальшивых нот...

В нем органично сочетались редкая порядочность, интеллигентность, твердость характера и вместе с тем романтизм, воля в достижении целей и невероятная тяга к знаниям. По рассказам матери в четыре года он уже свободно читал, а потом читал «запоем» всю жизнь. В пятилетнем возрасте с увлечением прочел «Одиссею» Гомера, любил баллады Жуковского, позднее увлекся Фенимором Купером, Майн Ридом, Вальтером Скоттом, а с двенадцати лет читал русскую классику. В дальнейшем страсть к чтению позволила Слепухину стать очень образованным человеком, несмотря на то, что его официальное образование составляло всего 8 классов общеобразовательной школы, помешала война.

Летом 1942 г. в Ставрополь, где жил 16-летний Юрий, вошли войска Вермахта. Вот как об этом вспоминает его сестра: «В конце июля сорок второго года город был оккупирован немецкими войсками. Наши власти, как всегда, держали население в неведении, скрывая истинное положение на фронте, поэтому все, кто должен был эвакуироваться (в том числе и мой отец, как крупный специалист), этого не успели и оказались в оккупации. Кроме партийного начальства, те унесли ноги загодя»⁴. Позднее, на страницах романа «Тьма в полдень» Юрий Слепухин описал оккупационный быт во всех подробностях, и картина жизни на оккупированной территории предстала перед читателями правдивой, без идеологических штампов, принятых в советской литературе.

Известный специалист по истории фашистской оккупации профессор Б. Н. Ковалев отмечает: «Роман Ю. Слепухина “Тьма в полдень” по своей сути является энциклопедией жизни советских людей на оккупированной нацистами территории. В этом произведении с удивительной точностью показаны все аспекты взаимоотношений гитлеровцев и их пособников с мирным населением. Хотя действие романа происходит в выдуманном автором украинском городке Энске, его реалии подтверждают как интервью с людьми, пережившими оккупацию, так и различные архивные документы»⁵.

---

⁴ Подробнее см.: *Слепухина И. Г.* Указ. соч. С. 20–28.

⁵ *Ковалев Б. Н.* Сравнительный анализ описания нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по архивным источникам и по роману Юрия Слепухина "Тьма в полдень" (1968) // Юрий Слепухин: XX век. С. 284.

В ноябре 1943 г. отступая, немцы угнали на принудительные работы в Германию тысячи жителей Ставрополя, в том числе и семью Кочетковых: мать, отца, детей Юрия, Ирину и Галину — старшую дочь Анны Биссе, сестры Валентины Ивановны, осужденной сроком на 10 лет и сидевшей в мордовских лагерях, как жена «врага народа». Ее муж Иосиф Биссе, чешский коммунист, приехавший в СССР в 1920-х годах учиться коммунизму, в 1937 г. был арестован, а через два месяца расстрелян. С тех пор Галина и жила в семье Кочетковых. Осталась только Елена Марьяновна. Прощаясь, она благословила детей своей иконой Божией Матери «Знамение» и передала её дочери Валентине. Эта икона по сей день в нашей семье — небольшая, потемневшая от времени, в простой деревянной рамке...

Вернемся к воспоминаниям Ирины Слепухиной: «Отступление (немецких войск — *Н. С.*) было долгим и тяжелым, нас везли в каких-то старых, открытых грузовиках, которые все время ломались, а стоял уже январь, и морозы были ужасные. Такой мне и запомнилась Россия, бескрайние снежные просторы и свирепая стужа. <...> Господь нас уберег, мы в целостности пересекли русские земли, в частности Украину, правда, не сразу. Там нас задержали на все лето, формировали эшелон, чтобы уже поездами отправить в Германию. Какое-то время пережидали в Виннице, где-то возле румынской границы, помню, там как раз в то время были обнаружены совсем недавние, массовые захоронения наших несчастных репрессированных «врагов народа», расстрелянных НКВД. Немцы, обнаружив их, предложили населению искать своих (вещи-то еще сохранились), и люди находили, и стоял в городе стон и плач... Потом, сделав отлов среди украинского населения, главным образом молодежи, нас загрузили в товарные вагоны и повезли через Западную Украину. <...> мы пересекли границу и оказались в Германии на положении уже узаконенных остарбайтеров. А это значит — трудовые лагеря, баланда, и страшные, ночные бомбежки союзников...<...> Пережить нам довелось немало, бывали очень тяжелые и страшные ситуации»⁶. В качестве остарбайтера Юрий Кочетков попал в лагерь для восточных рабочих «Шарнхорст» в немецком городе Эссен. С мая 1944 г. он батрачил в помещицкой усадьбе барона Гюльхера в дер. Аппельдорн, округ Клеве, на Нижнем Рейне.

Пережитое не отпускало Юрия Григорьевича на протяжении всей его жизни. Вспоминаю, когда я спросила, почему он, свободно владея несколькими языками, никогда не говорит по-немецки? — «Ты знаешь, я его просто забыл, наверное, это защитная реакция памяти...». Неудивительно, что в его будущей «военной» тетралогии⁷ тема «остарбайтеров» переходит из романа в роман. «Слепухин — один из немногих писателей, чьи произведения о Второй мировой войне глубоко и

⁶ Слепухина И. Г. Указ. соч. С. 20–28. .

⁷ Романы: «Перекресток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почетно», «Ничего кроме надежды» (Ред.)

всесторонне раскрывают тему насильственного вывоза рабочей силы с оккупированных территорий, — писала исследователь его творчества М. Е. Бабичева, — В советской литературе о Великой Отечественной войне эта тема была глубоко вторичной, раскрывалась, главным образом, в аспекте неприятия населением этой акции, сопротивления ей. Судьбы остарбайтеров просматривались до момента их вывоза, реже приводились отдельные скупые сведения о тяжести подневольной жизни на Западе. Такие персонажи в советской литературе чаще всего — эпизодические. <...> В тетралогии Слепухина судьба остарбайтеров оказывается в центре внимания автора, а само это явление прочнейшими нитями связано со всеми без исключения аспектами войны, более того, входит в состав причин, повлиявших на ее исход»⁸.

В начале марта 1945 г. Кочетковы в числе других освобожденных войсками союзников остарбайтеров были вывезены англичанами в Голландию, в пересыльный лагерь для «перемещенных лиц». «Там, кстати, было много поляков, и каких-то других славян, каких именно, уже не помню, — вспоминала Ирина Кочеткова. — Важно другое, большинство из них, особенно среди нашего брата советских граждан, не желало возвращаться на родину, ибо хорошо представляло, чем это грозит. И вот посоветовавшись наши люди выбрали своих представителей и отправились к коменданту лагеря. Среди них был и мой брат, как переводчик, он был очень способен к языкам и всегда умел объясниться, даже при небольшом знании нового языка. Коменданту была передана коллективная петиция — опираясь на международное право, не выдавать против воли советских граждан, учитывая не прекращающиеся в СССР политические репрессии. Комендант выслушал, принял петицию, и дал слово британского офицера, что против воли никто репатрирован не будет»⁹.

На самом деле, когда всех перевезли в Бельгию, русских передали в лагерь для «перемещенных лиц», располагавшемся на территории советских оккупационных войск, для отправки в СССР. Учитывая факты нахождения в оккупации и наличия репрессированных родственников, Кочетковым грозила реальная опасность опять оказаться в лагере, но уже советском. Вот еще одно свидетельство Ирины Григорьевны: «В общем, с помощью англичан, ловушка захлопнулась и мы бы пропали, как и многие тысячи наших граждан, попавшихся в лапы СМЕРШа, но нам повезло, в Брюсселе было много белых эмигрантов, они-то нас и спасли, устроив побег. <...> Нас прятала у себя пожилая пара, Константин и Мария Вишневецкие, он бывший царский офицер, она бывшая смолянка. Очень милые, гостеприимные люди, и очень бедные. Но нам всем хватало, потому что каждый день кто-нибудь приходил и приносил что мог: еду, одежду, лекарство (если было нужно), ведь вся русская колония знала обо всех беглецах и помогала, чем могла. Они же договорились с бельгийской

---

⁸ Бабичева М. Е. Война и мир XX столетия // Библиополе. 2010. № 7. С.35–39. № 8 С. 30–33.

⁹ Слепухина И. Г. Указ. соч. С. 37–38.

полицией, те выдали нам фальшивые документы, с другими фамилиями (мы, Кочетковы, взяли фамилию нашей бабушки со стороны отца — Слепухины), и таким образом защитили от выдачи»¹⁰.

Если даже бегло ознакомиться с творчеством Ю. Г. Слепухина, становится очевидным, что решение о невозвращении далось ему непросто. Став профессиональным писателем, практически в каждом своем произведении он будет обращаться к вопросу об обоснованности и оправданности такого выбора, анализировать мотивы и обстоятельства, вынуждающие его героев жить вдали от Родины. Герои разные и по национальности, и по роду занятий, и по происхождению, живут в разных исторических эпохах и в разных странах, но, как правило, каждый рассматривает эмиграцию как временное убежище, как опыт, который можно будет использовать на своей земле. Во многом это еще и опыт, и школа свободы.

Для Слепухина такой школой стало общение с русскими эмигрантами Первой волны, а затем и активная общественно-политическая деятельность в рядах НТС, членом которого он стал в 1945 году, очарованный идеей солидаризма, и уже в 1947 г., переехав в Аргентину, стал руководить молодежным сектором и сектором пропаганды, активно сотрудничая в журнале «Вехи», еженедельной газете «Посев», выходившей тогда в Буэнос-Айресе, был представителем журнала «Посев». Друг его юности, ныне видный деятель Русского Зарубежья И. Н. Андрушкевич вспоминает: «Юрий Слепухин был назначен руководителем молодёжи НТС в Аргентине. Каждую субботу, в течение нескольких лет, начиная с 1948 года, на квартире его семьи в буэнос-айресском пригороде Банфиельд собиралось от 8 до 15 человек русской эмигрантской молодёжи (от 17 до 30 лет). После международного обзора (10–20 минут), кто-нибудь читал 40-минутный доклад на какую-нибудь историческую, политическую или обще-гуманитарную тему. Затем начинался обмен мнениями, а потом просто разговоры за чашкой чая (без водки). Всегда председательствовал Юрий. Он был введён центром НТС в Германии в состав «Руководящего круга» этой организации. <...> Юрий Григорьевич Слепухин был весьма культурным, темпераментным русским патриотом. Немного увлекающимся романтиком, мечтателем...»¹¹.

В аргентинском обществе и среди эмигрантов Слепухина любили и уважали, неплохим был и материальный достаток. Характеризует его и следующая фраза И. Н. Андрушкевича: «... я вспомнил, как он хорошо говорил на иностранных языках, благодаря чему старые эмигранты его очень часто принимали тоже за старого эмигранта»¹².

Действительно, Юрий Григорьевич блестяще владел английским, испанским и французским языками, свободно читал на латыни, немецком, итальянском, польском, украинском языках. Был энциклопедически образован, так как всю жизнь занимался самообразованием, всесторонне

---

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Андрушкевич И. Н. Юрий Григорьевич Слепухин в Аргентине. В кн.: Юрий Слепухин: XX век. С. 91.

¹² Электронное письмо И. Н. Андрушкевича Н. А. Слепухиной от 9 мая 2013 г.

одарен, обладал не только гуманитарными, но и техническими знаниями и талантами, что давало ему возможность очень хорошо зарабатывать, выполняя обязанности на уровне высококвалифицированных специалистов в области механики, электрики, инженерии. В семейном архиве сохранились и его удивительные работы цветной тушью на черном ватмане — эскизы ювелирных изделий.

У Слепухина была возможность получить образование в престижном университете в Аргентине и продолжить свою общественно-политическую деятельность, однако обстоятельства сложились иначе: «Я с НТС порвал в 1954 году, еще до того, как собрался вернуться сюда. Просто потому что я понял, что вот эта идея национальной революции, которую НТС проповедовал в свое время против Сталина, что она после смерти Сталина смысл потеряла, абсолютно стала бесперспективна. В общем, будь я не таким молодым политиком и таким мальчишкой, каким я был тогда, я бы раньше понял, что идея национальной революции в России неосуществима, при Сталине тем более. Но тогда у меня была мысль, что народ все-таки рано или поздно воспрянет и прочее, а когда Сталин умер, я понял, что нет..., а НТС продолжал: "национальная революция, езжайте туда, создавайте там молекулярные ячейки" и прочее. Я сказал, что это глупость, и я с ними разругался в 1954 году, после чего ко мне нашли путь представители нашего консульства и завели со мной контакт. А после XX съезда я просто пришел и говорю: "Это правда или не правда?" Они говорят: "Правда". Я взял и подал документы на возвращение. Вот так вот дело было»¹³.

Кроме разочарования в реальности воздействия на ситуацию в СССР силами эмигрантских организаций, Ю. Г. Слепухин остро ощущает: «<...> постоянно и неотступно — что жить на чужбине тяжело. Даже тогда тяжело, когда есть работа, хороший заработок, и вообще все вроде бы вполне благополучно.

Ошибкой было бы думать, что иностранцам незнакома ностальгия. Но если для англичанина или француза она — всего лишь элегические воспоминания о родных краях, меланхоличная грусть, которую так легко утолить, послушав старую пластинку или полистав альбом с открытками, — то в душе нашего экспатрианта она становится медленно действующим ядом. Человек, отравленный такой ностальгией, постепенно перестает чувствовать вкус жизни, видеть ее краски, ощущать ее запахи. Да, он живет, продолжает жить — работает, растит детей, добивается материального благополучия. Но даже успех в этом смысле не может снять гнетущего ощущения "жизни наполовину"¹⁴.

В случае с Ю. Г. Слепухиным, ностальгия явилась и тем фактором, который побудил к литературной деятельности, и именно на Родине. «Мои первые литературные попытки относятся к концу сороковых годов, когда я, переехав из Брюсселя в Буэнос-Айрес, начал работать над романом

---

¹³ Из интервью Ю. Г. Слепухина журналисту Ленинградской Областной Телекомпании (ЛОТ) Н. М. Визирякину. Март 1998 г. Архив Ю. Г. Слепухина.

¹⁴ *Слепухин Ю. Г. Писатель и Отечество // Юрий Слепухин: XX век. С. 384.*

"Перекресток". Романом, впрочем, это стало потом; вначале я совершенно не представлял себе — что, собственно, намерен написать. Знал лишь, о чем: это должен был быть рассказ о моих школьных друзьях, о неповторимой обстановке последнего предвоенного года, о небольшом городе на юге России, где я тогда жил. Словом, весь замысел — совершенно еще неясный мне самому — был, как нетрудно догадаться, продиктован ностальгией.

Так прошло около шести лет. Роман был уже полностью обдуман и наполовину написан, и однажды передо мной встал вопрос: а что я буду писать потом? Творчество уже отравило меня, я понял, что отныне литература будет главным делом моей жизни; но о чем писать?

Моих юношеских воспоминаний попросту не хватило бы на еще одну книгу, да и это уже было бы повторением. О послевоенной жизни в нашей стране я имел тогда смутные представления, писать об эмиграции мне и в голову не могло придти. <...> Так, мало по малу, созрело решение попробовать свои силы на аргентинском материале — и, естественно, для аргентинского читателя. <...> В 1955 году я начал писать (по-испански) роман («У черты заката» — *H. C.*), увидевший свет уже дома, на русском языке, после моего возвращения двумя годами позже.

Разумеется, не работа над испанским текстом повлияла на мое решение репатрироваться; были куда более серьезные причины. Но и она, вероятно, сказала — может быть, подсознательно. Дело в том, что это было началом моей денационализации как писателя.

Я имею в виду, конечно, не выбор сюжета, а выбор языка. <...> Если я хотел остаться — точнее, стать — русским писателем, надо было срочно принимать решение.»¹⁵

Подав в 1956 г. документы о репатриации в советское посольство в Буэнос-Айресе, Ю. Г. Слепухин в 1957 г. получает разрешение на возвращение в СССР. Вместе с ним выезжают мать и сестра, отец приезжает двумя годами позже — опасаясь за судьбу семьи в СССР, Григорий Пантелеймонович остается, чтобы в случае применения репрессий, поднять шум в зарубежной прессе. К счастью, этого не случилось, несмотря на то, что от сотрудничества с «органами» Юрий Григорьевич отказался, отклонив предложение остаться за границей и сообщать о настроениях в эмигрантской среде, за что предлагали самые роскошные условия — виллы в Швейцарии, на Лазурном берегу — где только захочется и, соответственно, большие деньги...¹⁶

Сделав единственный для себя приемлемый выбор — вернуться на Родину и стать профессиональным русским литератором, Ю. Г. Слепухин окончательно отказывается от политической деятельности, и, обсуждая с представителями советского посольства условия своего возвращения, счел нужным уточнить: «Я никогда не смогу симпатизировать коммунистической идеологии, но если я решу вернуться, то и вредить не буду»¹⁷.

---

¹⁵ Там же. С. 393–394.

¹⁶ См.: Слепухина И. Г., указ. соч. С. 81.

¹⁷ Слепухина И. Г. Указ. соч. С. 72.

После обязательной для репатриантов «филтрации» в Ленинграде он получает разрешение на жительство в Воронеже (центры — Москва и Ленинград для него, отказавшегося от сотрудничества, были закрыты); в 1958 г. переезжает в г. Ломоносов Ленинградской обл., в 1964 г. — в г. Всеволожск Ленинградской области, где прожил до конца жизни.

На волне «хрущевской оттепели» его произведения, открывающие южноамериканский континент («У черты заката», «Ступи за ограду», «Джоана Алларика»), и правдиво рассказывающие о предвоенной жизни и войне («Перекресток», «Тьма в полдень») охотно публикуют журналы и центральные издательства; в библиотеках очереди на его книги, он получает сотни восторженных писем от читателей, становится популярным и любимым для многих писателем... Но критика глухо молчит о нем. М. С. Глинка вспоминает: «<...> на иное у нас нечего было и рассчитывать. Государево око на всех, побывавших в плену или в оккупации, и десятки лет спустя смотрело взглядом особенным и тяжелым. Писательская профессия при этом не облегчала, а усугубляла мрачную подозрительность государственной рептилии. <...> Надо ли говорить, что на вернувшегося после многолетнего пребывания за границей (в качестве "перемещенного лица") бодрого и деятельного Юрия Слепухина выпала не тающим в течение всей его последующей жизни снегом подозрительность приглядывающих органов?»¹⁸

Вполне можно предположить, что было и негласное указание не пропагандировать его творчество, а в литературных кругах относились к нему с недоверием, как к чужаку, не понимая мотивов его возвращения: «Еще в Воронеже один молодой писатель <...> мне сказал: " <...> Слепухин, я не понял, ты дурак, или стукач? Вот под каким соусом тебя из Аргентины?" — Потому что, видимо, третий вариант он себе не представлял. <...> Ну, я сказал, что насчет стукача я тебе гарантирую, что я не стукач, ну а насчет дурака — со стороны виднее... И меня видимо многие воспринимали так...»¹⁹ Многих настораживало и то, что Юрий Григорьевич принципиально не участвовал ни в каких движениях — ни в верноподданических, ни в диссидентских (только в годы перестройки он возвращается к активной публицистической деятельности на стороне реформаторов), в основном же, сделав свой выбор, он торопился в книгах рассказать правду о событиях, участником и очевидцем которых он был, тем более что читатели ее ждали.

Но наступил 1968 год, события в Чехословакии, и вновь стали «закручивать гайки». Рукопись романа «Час мужества», отправленная в Лениздат стала настоящей ареной идеологической борьбы: Слепухина обвиняли в абстрактном гуманизме, искажении истории, создании образов антигероев: «<...> Ведь дело не только в том, что героини Вашего романа

---

¹⁸ Глинка М. С. Несколько слов о незавершенном романе Юрия Слепухина // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 103.

¹⁹ Из интервью Ю. Г. Слепухина журналисту Ленинградской Областной Телекомпании (ЛОТ) Н. М. Визирякину. Март 1998 г. Архив Ю. Г. Слепухина.

— русские девушки, угнанные в Германию, влюбляются в офицеров гитлеровской армии, получают поддержку от тех классов, которые породили гитлеризм, *а также русской эмиграции* (курсив мой — *Н. С.*). Главный порок романа в том, что под все это подведена философия всепрощенчества, абстрактного гуманизма, наконец, космополитизма. Герои романа живут по заданной Вами схеме, а не по законам логики развития характеров, в том числе законам идеологической борьбы <...>²⁰; «<...> Мы не можем согласиться и с философской концепцией автора, концепцией абстрактного общечеловеческого гуманизма, с позиций которого написана 3-я часть романа. Исходя из этой философской концепции автор искажает правду психологических мотивировок действий и рассуждений героев романа. Психология советского человека, силы, двигавшие его поступками в годы войны, искажены в рукописи <...>»²¹. К редакционному заключению прилагалась рецензия Вс. Воеводина, который, анализируя образ главной героини романа, Татьяны Николаевой, встретившей и полюбившей Кирилла Болховитинова — сына «белого эмигранта» пишет: «<...> Если Таня просто "рядовая", самая обыкновенная советская девушка, не нравственный урод, не отщепенка, она просто не могла бы полюбить чужака, пособника врага <...> и еще довериться ему. За такую любовь расстреливали, не доискиваясь особых психологических глубин. (И п р а в и л ь н о д е л а л и) — (разрядка моя — *Н. С.*) <...> Гуманизм без берегов — это не позиция, с которой можно воссоздать образы советских людей в годы войны и оставаться при этом верным исторической правде»²².

Стоит ли удивляться, что после таких заключений и рецензий доступ к читателю был Слепухину закрыт на десятилетие! Через пять лет, вновь предложив значительно доработанную рукопись «Часа мужества» Лениздату, Слепухин получает письмо о том, что роман «не может быть принят к изданию»²³, к которому прилагается разгромная рецензия на 2,5 авт. л.(!) из Росглавиздата, подписанная А. А. Богдановым, где говорится: «Это не героиня (Татьяна Николаева — *Н. С.*), а скорее антигероиня. Ее подлинная суть <...> — это суть маленькой обывательницы с предельно узеньким, мещанским кругозором и чувствами, начисто лишенной подлинной гражданственности и патриотизма. Ничтожная, беспомощная песчинка, случайно захваченная могучим ураганом событий <...>» И далее рецензент, возмущаясь текстом автора о том, что «Для плохо одетого, проработавшего весь день под открытым небом, замерзшего и промокшего до нитки естественна мысль о тепле и крыше над головой», пишет: «Но отсюда, от этой мысли, начинает развиваться мотив, который заставляет вспомнить совсем

²⁰ Письмо Лениздата № 4/471 от 1 авг. 1969 г., подписанное директором Л. В. Поповым и гл. редактором Д. Т. Хренковым. Архив Ю. Г. Слепухина.

²¹ Редакционное заключение Лениздата от 7 июня 1969 г., подписанное зав. редакцией Копытиным и ст. редактором Л. Плотниковой. Архив Ю. Г. Слепухина.

²² *Всев. Воеводин*. О романе Юрия Слепухина «Час мужества». 14 июля 1969 г. Архив Ю. Г. Слепухина.

²³ Письмо Лениздата № 4/183 от 16 апр. 1974 г., подписанное директором Л. В. Поповым. Архив Ю. Г. Слепухина.

иною героя, звавшегося Иваном Денисовичем...». Не вдаваясь в аргументацию дальнейших рассуждений рецензента приведу еще несколько фраз, «обличающих» Слепухина: «Какова идея? Вполне сгодилась бы сегодняшним пропагандистам свободного обмена "духовными ценностями", радетелям "наведения мостов"!..», «Необратимые изменения, перекосы в идейной структуре образов, в самом выборе героев, в авторской позиции делают невозможным разговор о какой-либо доработке рукописи»²⁴...

Воистину, название романа стало определяющим и для писателя — лишенный возможности печататься, а, следовательно, и иметь средства к существованию, он не отказывается от своей позиции, а дорабатывает свою трилогию о войне, превращая ее в тетraloгию — разделив «Час мужества» на две книги: «Сладостно и почетно» и «Ничего кроме надежды», что дало возможность еще более подробно написать правду о судьбах фронтовиков, о жизни наших соотечественников, угнанных в Германию, о русской эмиграции, об антифашистском сопротивлении внутри Германии, о союзниках, о цене Победы²⁵. Параллельно Юрий Григорьевич пишет «Пантократора», работает над романами «Южный крест», «Киммерийское лето» и тяжело переживает отлучение от читателя. В 1978 г. вход в Смольный был еще свободным, и я, не ставя в известность Юрия Григорьевича (он бы мне запретил), решаюсь на визит в Ленинградский обком КПСС, к заведующей идеологическим отделом Г. И. Бариновой. Не знаю, какие мои аргументы оказались действенными, но в том же году «Советский писатель» принял к изданию «Киммерийское лето».

Всего Ю. Г. Слепухин успел написать 3 повести, 10 романов²⁶. Жаль, что последний — «Не подводя итогов», остался незавершен. В нем главный герой — Николай Болотов — переживает все испытания, которые выпали на долю русского человека в XX веке. Роман написан лишь на четверть, свое главное произведение он дописать не успел.

Правильным ли был выбор, сделанный Юрием Григорьевичем? Ответ — в его книгах и отзывах читателей²⁷:

«— Купил у букиниста «Перекресток» Слепухина. Первое издание, Ленинград, 1965 — и заново перечитал весь цикл, от «Перекрестка» до «Киммерийского лета». В очередной раз поразился, как откровенно он пишет, и как — как, черт возьми?! — эту откровенность пропускала советская цензура, как вообще в те довольно нелегкие годы удалось напечатать такую

---

²⁴ А. А. Богданов. Рецензия на рукопись романа Ю. Слепухина «Час мужества». Апрель 1974 г. Архив Ю. Г. Слепухина.

²⁵ Роман «Сладостно и почетно» лишь в 1985 г. выпустит «Советский писатель», роман «Ничего кроме надежды» выйдет в свет уже после смерти Ю. Г. Слепухина, в 2000 г., благодаря поддержке В. П. Набирухина — дир. ленингр. отд. изд-ва «Детская литература», А. Н. Стефанова — ген. дир. «Лениздата», С. Я. Савельева — дир. ООО «Лисов-АВС» и В. П. Елисеева — депутата ЗАКСа Ленинградской области.

²⁶ Подробнее см.: Режим доступа: <http://www.yslepukhin.ru/content/person/publ/index.php> Дата обращения 21.10.2015.

²⁷ Подробнее см.: Режим доступа: <http://www.yslepukhin.ru/content/person/otziv/index.php> Дата обращения 21.10.2015.

антипафосную прозу. Всё-таки, из позднесоветских писателей он, на мой взгляд, один из лучших. Возможно, за счет большего жизненного опыта и полутора десятков лет несоветского бытия.

Про него говорили всякие странные вещи, сравнивая с Григулеви́чем (если вы понимаете, что я имею в виду), но мне во всё это как-то весьма мало верится. Видевшие его лично о своем впечатлении говорят так: князь Мышкин. По текстам, в общем, то же ощущение.

Советую прочитать;

– Никогда не думала, что мне может понравиться книга советского писателя. Но произведение «Сладостно и почетно» Слепухина стало большим исключением — перечитывала эту книгу раза 3, и всегда она меня задевала, всегда бросались в глаза все новые и новые детали. Очень приятно, что нет в ней никакой советской пропаганды. <...> иногда читать ее было тяжело, особенно конец. Наверно, в этом и заключается большой талант писателя. Вроде вражеский город бомбят, война завершается, но ничуть не легче. Возможно, потому что у Слепухина невозможно делить на «своих» и «чужих», есть только люди...;

— «Южный Крест» — это роман о большой и страшной любви. Любви к женщине и любви к родине — большой и малой. Читайте. И мужчины, и женщины, читайте. Вы лучше поймете себя, друг друга. Вы станете лучше понимать своих детей. Я читаю и перечитываю романы Слепухина 25 лет. Это автор на все времена. И для всех поколений. Читайте.»

Аннотация: В статье рассматриваются основные факты биографии Ю. Г. Слепухина, в т.ч. жизнь в оккупации, угон в Германию, его политическая деятельность за рубежом в рядах НТС, мотивы и условия возвращения в СССР, взаимоотношения с издательствами в условиях цензуры, восприятие его произведений читателями.

Ключевые слова: Ю. Г. Слепухин, оккупация, трудовые лагеря, остарбайтеры, перемещенные лица, НТС, русская эмиграция, репатриация литературная деятельность в СССР.